

УДК 94(477); ББК 63.3(4Укр)46; DOI 10.21638/11701/spbu19.2016.206

Т. Г. Таирова

К БИОГРАФИИ АВТОРА КАЗАЦКОЙ ЛЕТОПИСИ САМОЙЛО ВЕЛИЧКО

Летопись Самойло Величко, написанная в первой четверти XVIII в., безусловно, является одной из наиболее известных казацких летописей раннего Нового времени. Обнаруженная М. П. Погодиным в середине XIX в., она была издана Киевской археографической комиссией в 1848–1864 гг. Украинская академия наук переиздала первый том летописи в 1926 г., но в связи с разгромом исторической секции не смогла продолжить издание. В 1991 г. летопись была издана в переводе на украинский язык, но автор перевода В. Шевчук опирался не на оригинал, а на первые издания летописи.

Анализ летописи был проведен в ряде работ известных российских и украинских историков. И практически каждый из них приводил собственную интерпретацию биографии Величко. Но единственное, что было известно о нем, — это пара автобиографических абзацев в его летописи, а также в неизданном выполненном им переводе «Космографии». Поэтому все историки на самом деле трактуют один и тот же дошедший до наших дней параграф. Как справедливо писал выдающийся украинский текстолог Я. Дзыря, «Інших біографічних відомостей, крім тих, які подає сам Величко, немає»¹.

Учитывая уникальность и важность свидетельства, приводим его полностью:

Сего жь 1690 року, на самомъ початку его, между свята Рождества Господня, началъ я, сихъ лѣтописнихъ дѣяній графъ и сказатель (въ килконадцять лѣтъ будучи), служити войску Запорожскому, въ поважномъ дому зъ пановъ Малоросійскихъ благородного Его Милости пана Василя Леонтіевича Кочубія, писаря на тотъ часъ войскового енералного, за пререченого гетманства Мазепоного; служилемъ же вѣрне и тщаливе, якъ моя мнѣ повелѣвала цнота, не тилко въ домашнихъ пана моего дѣлехъ всякихъ, а найбарзѣй писарскихъ, але и войсковихъ нужнѣйшихъ и секретнихъ на тотъ часъ, такъ до самого Пресвѣтлѣйшого Монархи Всеросійского

¹ Дзыря Я. І. Самійло Величко та його літопис // Історіографічні дослідження в Українській РСР. Вип. 4. Київ, 1971. С. 202.

© С.-Петербург. гос. ун-т, 2016; © Т. Г. Таирова, 2016

Петра Алексѣевича, яко въ цѣфѣрнихъ въ его жь монаршихъ дѣлехъ, отъ Гетмана тогда бывшихъ до Государовъ Волоского и Мултанского за исправленіемъ пана моего корреспонденціяхъ, которіи канцеляріи войсковой не были явными. Послуживши зась въ такихъ премногихъ неусипныхъ трудахъ чрезъ лѣтъ 15, zostalemъ за тую мою службу вправленъ до канцеляріи войсковой енеральной на початку року 1705, въ которой зъ между худшихъ братии моей былемъ не послѣднимъ въ дѣлехъ писарскихъ, сполна чрезъ лѣтъ 4; нимъ за тую мою долговременную и вѣрную службу моя недоля крайнимъ мнѣ на самомъ концу рока 1708 заплатила нещастемъ, которое впредь въ помененомъ року припомнѣтися можете².

Основу к традиционной трактовке данного известия положило предисловие к изданию 1848 г., в котором говорилось: «Нет сомнения, что несчастье, постигшее Величка, находится в связи с бедственной участию Василя Кочубея, погибшего в том же 1708 г.»³.

Следующие два историка, обращавшиеся к текстологии летописи Величко, ничего не писали о биографии ее автора⁴. Не касался вопроса биографии Величко и Н. Петровский, автор известного исследования этой летописи⁵.

Значительно дальше пошел исследователь летописи П. Г. Клепацкий. Он высказал предположение, что Величко был казацкого происхождения и получил образование в Киево-Могилянской академии⁶. В трактовке «несчастья», случившегося с Величко, Клепацкий первым из историков предположил, что будущий летописец был арестован и посажен в тюрьму («його, як близьку людину до генерального судді В. Л. Кочубея, скараного Мазепою, було арештовано й затримано у в'язниці»). Клепацкий также предположил, что Величко «Як урядовця невисокого рангу» могли забыть в условиях войны со шведами, из-за чего его пребывание в тюрьме «могло протягтися й на довший час». Далее Клепацкий высказывал уже совсем фантастичную версию, что именно в тюрьме Величко ослеп или что даже был ослеплен по судебному приговору. Освободили Величко, по мнению Клепацкого, усилиями сына покойного Кочубея⁷. Последнее предположение исследователь объяснял тем, что Величко жил в имении Кочубея-младшего и учил его детей. Именно Клепацкий высказал версию, что Величко начал писать свою летопись (а соответственно — и освободился) в 1715 г.⁸ Единственной аргументацией выступала ссылка на то, что, по словам самого Величко, он начал писать свою летопись через 70 лет после войны Б. Хмельницкого («въ седмдесятъ лѣтъ по войнѣ Хмельницкого виводячи сію военнихъ дѣянній его гисторію»).

В дальнейшем версии, высказанные Клепацким, стали использоваться историками как не подлежащие сомнению. Так Д. И. Дорошенко писал: «В кінці 1708 р. Величка усунуто з посади за його близькість до В. Кочубея»⁹. То же самое повторил Д. Багалий,

² Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Т. III. Киев, 1855. С. 90.

³ Величко С. Летопись событий... Т. III. С. VI.

⁴ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. 1. Кн. 2. Київ, 1908; Петрикевич В. Літопись Самійла Величка а «Воуна Домова» Самійла Твардовского. Тернопіль, 1910.

⁵ Петровський М. Псевдо-діяріуш С. Зорки // Записки історико-філологічного відділу УАН. Кн. XVII. Київ, 1928. С. 161–204.

⁶ Клепацький П. Г. Літопис Самійла Величко. Полтава, 1926. С. 37.

⁷ Клепацький П. Г. Літопис... С. 38.

⁸ Клепацький П. Г. Літопис... С. 41.

⁹ Дорошенко Д. І. Огляд української історіографії. Київ, 1996. С. 25.

сделавший детальный анализ летописи¹⁰. В Истории украинской литературы декларировалось, что Величко закончил Киевскую академию¹¹.

Исключением из этого правила стал украинский историк М. И. Марченко (отметим, что свою докторскую диссертацию он защищал в ЛГУ в 1960 г.). Он прямо называл «неубедительным» предположение «некоторых исследователей», что Величко снял с должности войскового канцеляриста после казни его патрона В. Кочубея. Как верно подмечал Марченко, в конце 1708 г., в момент «несчастья» Величко, Кочубей был уже реабилитирован. Историк задавался вопросом: какое все-таки «несчастье» случилось с Величко? «Можно припустить, що Величко опинився в немілості у зв'язку із зрадою Мазепи, бо при ньому він займав поважне місце в генеральній гетьманській канцелярії». Но прямого отношения к измене Мазепы, по мнению Марченко, Величко не имел, «інакше з ним розправилися б іще жорстокіше»¹².

Я. Дзыря, специалист по украинскому летописанию, планировавший академическое издание летописи С. Величко, считал версию М. И. Марченко «более правдоподобной»¹³. В остальном Дзыря соглашался с традиционным взглядом на Величко — что тот учился в Киевской академии, что частично ослеп в тюрьме и что в 1715 г. при участии Кочубея был отпущен на свободу¹⁴.

В. А. Шевчук, издавший летопись Величко в переводе на украинский язык, справедливо отмечал скудность наших знаний о биографии Величко: «Ми не знаємо його обличчя, був він високий чи низький, яку мав вдачу, хто були його рідні, друзі. Ні відаємо й середовища, в якому виховувався, де навчався і, врешті, де його могила»¹⁵. Пишет он также, что неизвестно из-за чего Величко попал в тюрьму, и предполагает, что это случилось «по доносу какого-нибудь личного врага». Шевчук полагает несомненным фактом само то, что Величко посадили в тюрьму и что с ним «не расправились так беспощадно, как бы это могло быть, если бы он взял сторону И. Мазепы»¹⁶. Шевчук считает, что Величко был казацкого происхождения и, скорее всего, учился в Киево-Могилянской Академии, а в войсковую канцелярию попал уже немолодым, под сорок лет¹⁷.

В. Соболев, исследовавшая летопись в 1996 г., перечислила известные версии биографии Величко и добавляла, что ничего нового с тех пор ученые не узнали¹⁸. Все те же теории повторяются и в последних академических украинских изданиях. Так, «История украинского казачества» констатирует, что в историографии нет единой позиции

¹⁰ Багалій Д. І. Нарис української історіографії: Джерелознавство. Вип. 2. Київ, 1925.

¹¹ История украинской литературы. Т. 1. Киев, 1954. С. 100.

¹² Марченко М. І. Українська історіографія від давніх часів до середини ХІХ ст. // Ейдос. Вип. 3. Київ, 2009. С. 156.

¹³ Дзыря Я. І. Самійло Величко та його літопис // Історіографічні дослідження в Українській РСР. Вип. 4. Київ, 1971. С. 201.

¹⁴ Дзыря Я. І. Самійло Величко... С. 199–201.

¹⁵ Шевчук В. О. Самійло Величко та його літопис // Збірник козацьких літописів. Київ, 2006. С. 5.

¹⁶ Шевчук В. О. Самійло Величко... С. 7–8.

¹⁷ Шевчук В. О. Самійло Величко... С. 6–7.

¹⁸ Соболев В. Літопис Самійла Величка як явище українського літературного бароко. Донецьк, 1996. С. 9.

относительно причин ареста Величко. Но считает версию, связанную с близостью к Кочубею, более вероятной, «оскільки участь у «справі Мазепи» потягла б значно серйозніші наслідки, аніж ув'язнення»¹⁹.

Известный историк украинского казачества П. М. Сас, автор статьи о Величко в Энциклопедии истории Украины, напротив, пишет, что «Наприкінці 1708 під час політичних репресій Петра I в Україні, викликаних визвольним виступом І. Мазепи, був ув'язнений»²⁰. Исследователь украинского летописания А. Бовгира в своем анализе летописи Величко декларирует наличие двух версий причин ареста — участие в выступлении И. Мазепы или близость к Кочубею — и склоняется к последней («останнє вважається більш вірогідним») ²¹. Известный украинско-американский историк С. Плохий пишет, что «Величко был арестован когда-то после Полтавской битвы по невыясненным обстоятельствам»²². Другой американский специалист по истории Украины казацкого периода ни в своей ранней, ни в своей последней работе, касавшейся летописи С. Величко, не затрагивал его биографию²³.

Что мы реально знаем о Величко? Мы можем согласиться с мнением, что, скорее всего, он действительно получил образование в Киево-Могилянской академии. Почерк, которым написана летопись (так называемое «киевское письмо»), практически точно указывает на выпускника Киевской академии. Так как мы знаем от него самого, что работать он начал в 1690 г., когда ему было «въ килконадцять лѣтъ», то период обучения должен был выпасть на 80-е гг. XVII в. Обучение обычно начиналось в 7–12 лет, а закончил Величко как минимум класс риторики (что доказывается его знаниями и умениями, проявленными при написании летописи). Правда, Дзыря считал, что Величко получил «хотя бы основы знаний философии»²⁴. Последнее представляется маловероятным. Хотя фиксированных сроков обучения в Киевской академии не было, но можно вспомнить, что Ф. Орлик, также сделавший канцеляристскую карьеру, начал работать в 1692 г., в 20 лет, к тому времени уже прослушав основы философии. Его ровесник (или на пару лет младше) Величко вряд ли мог успеть прослушать те же курсы, поступив на службу на два года раньше, в 1690 г., в 16–18 лет. Но то, что Величко должен был учиться вместе с Орликом, представляет несомненный интерес.

Если Орлик после учебы поступил консисторским писарем в Киевскую митрополию и параллельно делает карьеру поэта, то Величко начинает «служити Войску Запорозькому, въ поважномъ дому зъ пановъ Малоросійськихъ благородного Его Милости пана Василя Леонтіевича Кочубія, писаря на тотъ часъ войскового енералного». Почему-то

¹⁹ Історія українського козацтва. Т. 2. Київ, 2007. С. 261.

²⁰ Сас П. Величко Самійло // Енциклопедія історії України. Т. 1. Київ, 2003. С. 472.

²¹ Бовгира А. Історіюписання та суспільна свідомість Гетьманщині XVII–XVIII ст. // Дисциплінарні виміри української історіографії. Київ, 2015. С. 19.

²² Plochy S. The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge, 2006. P. 344.

²³ Sysyn F. E. 1) The Cossack Chronicles and the Development of Modern Ukrainian Culture and National Identity // Harvard Ukrainian Studies. 1990. Vol. 3–4. P. 593–607; 2) The Nation of Cain: Poles in Samiilo Velychko's *Skazanye* // Synopsis. A collection of essays in honour of Zenon E. Kohut. Edmonton; Toronto, 2005. P. 443–455.

²⁴ Дзыря Я. І. Самійло Величко... С. 200.

все историки трактуют эту фразу Величко, что он был в личном услужении у Кочубея. Но летописец говорит, что он служил «Войску Запорожскому», а фразу «въ поважномъ дому» можно трактовать и дословно. Дело в том, что, согласно традиции, канцелярии старшин располагались прямо в их личных домах (полковников, судей и т. д.)²⁵. То же самое было и у Кочубея, канцелярия которого размещалась в его доме в Батуристине. И еще момент: исследователей не должно вводить в заблуждение понятие «патрон». Патронажные отношения перешли в Украинское гетманство еще из Великого княжества Литовского (например, «патроном» М. Хмельницкого был Ян Данилович). У Орлика таким патроном был Стефан Яворский. Ну а для Величко им становится В. Кочубей.

Так как вплоть до 1702 г. Кочубей выполнял должность генерального писаря, то есть был главой Генеральной Канцелярии, то и функции у Величко были соответствующие. Он сам пишет, что занят «не тилко въ домашнихъ пана моего дѣлехъ всякихъ, а найбарзѣй писарскихъ, але и войсковихъ нужнѣйшихъ и секретнихъ... которіи канцеляріи войскової не были явними». То есть он был своего рода секретным агентом. В эту его деятельность не мог не быть посвящен сам гетман, что делало положение Величко особым. К тому же он бывал на старшинских радах, допуск куда был строжайше ограничен. Так, он подробно описывает старшинскую раду во время празднования Пасхи 1702 г. Тогда старшина съехалась к И. Мазепе в его имение Гончаривку, и Величко присутствовал даже во время праздничного обеда, т. к. приводит частные детали, как там происходила отставка Кочубея, включая события, происшедшие после ухода его «патрона» (разговоры старшины во время обеда и т. д.)²⁶.

Обычно в Войске Запорожском делали карьеру либо благодаря родственным связям, либо благодаря удачной женитьбе (И. Мазепа, Ф. Орлик и др.). Величко нигде не упоминает своего отца или других родственников. Женат, как мы увидим ниже, он тоже не был. Поэтому он мог опираться только на собственные силы и на покровительство «патрона». Какого он был рода? Обычно историки считают, что казацкого. Единственный ключик есть у самого Величко. Он говорит, что служил «як моя мні повелівала цнота», т. е. честь. Возможно, он был шляхетского происхождения. Например, мы встречаем шляхтича Федора Величко в Минском воеводстве ВКЛ (1677 г.)²⁷. В Реестре Войска Запорожского 1649 г. (который считается родоначальником старшинских родов) встречаются четыре Величко — в Каневском и Белоцерковском полках, но ни одного Василия, т. е. возможного отца нашего героя. Зато все Велички относятся к Правобережью. Возможно, именно этим объясняются его сильные переживания по поводу опустошений, постигших этот регион.

Еще в 60-е гг. XVII в. был известен кошевой атаман Иван Величко-Билковский²⁸. В Летописи его называют Иван Величко Босовский, а в другом месте — Иван Иваненко Величко²⁹. Вероятно — Иван Иванович Величко по прозвищу Босовский. Возможно,

²⁵ *Вечерський В.* Гетьманські столиці України. Київ, 2008. С. 111; *Степович А.* Лебединский будынок // Киевская Старина. 1895. № 11. С. 47.

²⁶ *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Т. III. С. 553–554.

²⁷ РГИА. Ф. 823. Оп. 1. Д. 929.

²⁸ *Мицик Ю.* Запорозькі лицарі булави // Українська козацька держава. Київ, 207. С. 106.

²⁹ *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Т. II. Киев, 1851. С. 35, 36 (III).

именно родственная связь с Запорожьем объясняет то, как восторженно отзывался Величко о Запорожской Сечи.

После того как весной 1702 г. В. Кочубей сложил с себя полномочия генерального писаря, он был назначен Мазепой генеральным судьей. Но «и дѣла писарскіи великіи его не оставляли; понеже Василій Чуйкевичъ на мѣсту писарскомъ канцеляріею войсковою завѣдующій не могль совершенно дѣль великихъ отпраовати, а Филипъ Орликъ, реентъ тогдашній войсковой канцеляріи, новиціатемъ будучи, хочай и мудрій былъ человекъ, еднакъ еще не призывчался». Это единственный раз, когда Величко упоминает Орлика в своей летописи, причем высказывается о нем уважительно. Это интересный факт, учитывая, что Орлик в 1720 г. был уже «гетманом в эмиграции» и личным врагом Петра I.

В начале 1705 г. Величко перешел на службу в Генеральную войсковую канцелярию, где прослужил полных четыре года. Как видим, опала «патрона» и его конфликт с гетманом нисколько не сказались на карьере Величко. В. Шевчук явно ошибается, полагая, что на момент поступления в Генеральную канцелярию Величко было под сорок. Ведь к Кочубею он попал моложе 20-ти, а прошло 15 лет.

Теперь мы подходим к самому спорному моменту: что же все-таки случилось с Величко в 1708 г.?

Мы знаем точно:

что «несчастье» произошло в самом конце 1708 г.;

что затем Величко писал свою летопись в селе в Жуках, завершив ее в 1720 г.³⁰

Про Жуки мы знаем, что в 1709 г. Василий Васильевич Кочубей (сын казненного В. Кочубея) вместе со своим братом Федором получил это село по завещанию своего деда³¹.

Что мог считать Величко «несчастьем», которое так однозначно трактуется историками как арест? Обратимся к его летописи. Он называет «несчастьем» поражение Я. Острияницы, поражения поляков под Желтыми Водами и Корсунью, В. В. Голицына под Перекопом в 1689 г., поражения шведов и венгров, смерть Яна Собесского, смерть И. Золоторенко. То есть или смерть, или военное поражение. Сам Величко в одном месте своей летописи пишет, что «за премененіемъ того-жь времени доброю житія моего на неволничое».

Коренным образом по-новому оценить трагичную страницу позволяет обнаруженный нами в РГАДА документ: «Партикулярное письмо запорожского писаря Григорья Богули к войсковому канцеляристу Величке» от 24 ноября 1708 г. Его смотрели В. Е. Шутый и Е. В. Тарле, о чем свидетельствует отметка в листе использования (последний раз в 1949 г.), но в своих работах о Северной войне не учитывали³². Между тем письмо Богули — это первый и единственный выявленный на настоящее время документ, который говорит о «канцеляристе Самойло Величко».

Удивительно, но в ходе подготовки этой статьи мы обнаружили упоминание о данном документе в истории запорожских казаков Д. Яворницкого. Правда, он неверно прочитал

³⁰ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Погод. 2020/1-3. Т. I. Л. 78.

³¹ Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Т. II. С. 529.

³² Тарле Е. В. Северная война. М., 2009; Шутый В. Е. Классовая борьба в период народной войны на Украине в 1708–1709 гг. // Известия академии наук СССР. Серия истории и филологии. Т. VI. № 4. С. 312–322.

документ (Богуля у него именуется Рогулей и т. д.) и упоминает его лишь в примечании: «Григорий Рогуля... в ноябре писал письмо войсковому канцеляристу Самойло Величку по поводу купли для Величка коня. По-видимому Самойло Величко одно лицо с известным Величком, автором четырехтомной малороссийской летописи»³³. Загадка, как это известие было пропущено всеми исследователями. Возможно, ответ кроется в том, что исследования Яворницкого были встречены жесткой критикой со стороны профессионального исторического сообщества, считавшего его любителем-краеведом. Правда, Яворницкий хотя и понял, что речь идет о Величко, не смог сделать выводы, уточняющие биографию летописца.

Письмо было перехвачено русскими и оттого сохранилось до наших дней. Историю перехвата письма мы можем восстановить достаточно детально, так как до наших дней сохранилась петровская походная канцелярия, практически полностью (исходящая и входящая корреспонденция) опубликованная в «Письмах и бумагах императора Петра Великого». Сохранилась и походная канцелярия А. Д. Меншикова, через которого происходила в указанный период переписка всех российских военачальников (она хранится в архиве ИИ СПб РАН).

Г. Бовгуля был кошевым писарем в Запорожской Сечи и вместе с кошевым атаманом К. Гордиенко вел переговоры с И. Мазепой о переходе запорожцев на сторону Карла XII. 24 ноября 1708 г. Запорожье направило Мазепе официальный ответ, оговаривая условия присоединения³⁴. И в тот же день с оказией (о чем он сам пишет) Бовгуля написал два личных письма к людям, находившимся при Мазепе, — журавскому сотнику Д. Якубовичу и войсковому канцеляристу С. Величко³⁵. Причем обоим он отвечает на присланные с «запорожским казаком Герасимом» послания («Утешилемся попремногу сердцем и душою когда в такие трудные часы одержалем все же братерское ваше писанья»).

Но проехать обратно было уже сложно. Петр I уделял огромное внимание перехвату корреспонденции Мазепы. Например, 3 декабря 1708 г. он дал личный указ Николаю Ифланту «смотреть недреманным оком на Мазепину корреспонденцию и, ежели где явятца от него куда или к нему откуды посланные, и оных ловить и присылать к нам за крепким караулом»³⁶.

О посылке в Запорожье русские узнали от Миргородского полковника Д. Апостола, который к этому времени перешел на сторону Петра (при очень спорных обстоятельствах). 28 ноября 1708 г. Г. С. Волконский извещал А. Д. Меншикова: «Сказывал мне он, полковник миргородцкой, что посылал Мазепа судью прилуцкого до Запорогов. Этот судья начует от Сорочинца в 7 милях в веси Федоровки, и я по ту дорогой отправил две партии, а велел как с ево можно достать»³⁷.

Волконский среагировал оперативно и уже на следующий день рапортовал царю о поимке посланцев Мазепы³⁸. В донесении к Меншикову от Волконского в тот же день

³³ *Эварницкий Д. И.* История запорожских казаков. Т. III. СПб., 1897. С. 400.

³⁴ РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 1. Д. 1708. № 91.

³⁵ РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 1. Д. 1708. № 92.

³⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. Вып. 1. М., 1948. № 2890. С. 337.

³⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Походная канцелярия А. Д. Меншикова. Оп. 1. Д. 2741. Л. 1 об.–2.

³⁸ Письма и бумаги... Т. 8. Вып. 2. М., 1951. С. 685.

(29.11.1708) содержится чуть больше подробностей: «Доношу твоей светлости которой послан был от изменника Мазепы судья прилуцкой до Запорогов и по того судью послал я партию и оного судью и казака запорожского иных с ним взяли и того судью и казака запорожского и от кошевого атамана из Запорогов писма, а взяв того языка послал я к царскому величеству и к вашей светлости»³⁹.

Это объясняет, как письма к Мазепе, Якубовичу и Величко оказались в соседних делах одного фонда московского архива.

Письмо личное, краткое и написано в спешке, Бовгуля даже извинялся за свой почерк. К тому же, в отличие от двух других посланий, письмо к Величко было просто запечатано, без кустодии (печать похожа на оттиски Низового войска)⁴⁰. Тем не менее из этого письма мы можем установить:

что Величко был в лагере Мазепы;

что у Величко не было семьи;

что Величко имел личные тесные связи с запорожским писарем;

что Величко покинул Батурин в спешке и у него даже не было коня (!).

Сам факт, что Величко оказался в лагере Мазепы, удивления не вызывает. Осенью 1708 г. там находилась вся генеральная старшина и 6 из 10 левобережных полковников. Кроме того, известно, что в январе 1709 г. в Генеральной канцелярии наблюдалась крайняя нехватка писцов, «понеже Мазепа в изменничю с собою всю канцелярию увел сторону»⁴¹.

Вывод об отсутствии у Величко семьи мы делаем на основании того, что в письме к Д. Якубовичу Бовгуля передает приветы его жене и только что родившемуся ребенку («вселюбительной пане вашей и наймилшой отрасли, которой или которому Зичу особливе благополучного возврату»). А в письме к Величко он только желает «дабы в. м. м. пан з своими любимыми друзьями в мирном повиденїи во всецелом здравии всегда пребывал непременно».

Что же случилось с Величко дальше? Сразу надо сказать, что источники не дают прямого ответа на этот вопрос. Но пересмотрев сотни документов, мы все же можем сделать некоторые предположения.

Что произошло в конце 1708 г. или, точнее, в период между концом ноября, когда Величко точно находился в лагере Мазепы, и концом декабря, на который он сам указывает как на дату «несчастья»? В это время перед Петром стояли две задачи: переманить на свою сторону возможно большее число старшины и выбить Карла XII с Мазепой из Ромен, где они комфортно расположились на зимние квартиры.

Петр издает несколько указов, предоставляя старшине, ушедшей с Мазепой, месяц на добровольный возврат и амнистию⁴². С пропагандистской целью возвращают имения вдовам казненных Искры и Кочубея, а также привозят из Сибири С. Палия⁴³. Кое-кто из старшин действительно добровольно уходит от Мазепы, за остальными начинается

³⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2750. Л. 1 об.

⁴⁰ 1000 років української печатки. Київ, 2013. С. 194.

⁴¹ Кривошия В. Генеалогія українського козацтва. Нариси історії козацьких полків. Київ, 2002. С. 279.

⁴² Письма и бумаги... Т. 8. Вып. 1. № 2801, 2835. С. 300–301.

⁴³ Письма и бумаги... Т. 8. Вып. 2. С. 652.

настоящая охота. Так, 8 декабря захватили лохвицкого сотника Якова Еремеева⁴⁴, тогда же под Гадячем поймали сердюцкого писаря⁴⁵.

Всех пленных, как украинских, так и шведских (а в донесениях и к Петру, и Меншикову они перечисляются поименно) отправляли для дальнейших допросов к царю⁴⁶.

В конце декабря Петр делает своей штаб-квартирой Лебедин. 3 декабря 1708 г. проводит там военный совет, на котором принимается решение о совершении маневра под Гадяч (где были шведско-казацкие войска), с целью выманить Карла XII и Мазепу из Ромен⁴⁷. План удался. А. Ушаков докладывал царю, что Мазепа уехал из Ромен 17 декабря «до вечера за 2 часа»⁴⁸, а уже 18 ноября Ромны были заняты русскими. Для нас важно, что генерал Л. Н. Аларт сообщал Петру, что неприятель Ромны «не совсем оставил»⁴⁹. А 18 декабря, после взятия города, Аларт писал про «мазепинцев»: «в Ромне потревожась, оное место оставили кроме некоторого багажу и офицеров, которые сами полковнику Ветеранию здались, когда он в Ромню пришел сего дня на рассвете»⁵⁰. Генерал перечислял пленных, пойманных в Ромнах: один шведский капитан, один поручик, один прапорщик и «сих в росписи объявленных особ»⁵¹. К. Э. Ренне в донесении добавлял, что поймали полкового лубенского есаула и других пленных⁵². Но росписей пленных, о которых в своих письмах говорят и Ренне, и Аларт, не сохранилось. Зато точно известно, что все пленные снова были отправлены в Лебедин, где базировался Петр⁵³.

Других эпизодов, в которых бы русские брали значительное число пленных, вплоть до 1709 г. больше не было. И еще отметим, что когда были захвачены Ромны, «в то время мороз был чрезвычайный, так велик, что птицы на воздухе мерли»⁵⁴.

Подводя итог, мы можем констатировать, что в период ноября–декабря 1708 г. упоминаний о захвате Величко в донесениях нет — значит, он не был взят в плен «в одиночку». Войсковой канцелярист, знавший секретные шифры, — это была слишком серьезная фигура, чтобы о ней не написали в донесениях. Меншиков, явно действовавший по приказу Петра, как раз в это время приложил много усилий, чтобы переманить канцеляристов на свою сторону. 15 декабря губернатор Киева Д. И. Голицын докладывал Меншикову: «Изволил ваша светлость ко мне писать, дабы мне из Белой Церкви из-за караулу Черныша свободить. И по тому в. светлости писму, когда Белую Церковь приняли, и оной Черныш из-за караулу свобожен»⁵⁵. Речь идет об Иване Черныше — войсковом

⁴⁴ Письма и бумаги... Т. 8. Вып. 2. С. 679.

⁴⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2849. Л. 1.

⁴⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2849, 2860 и др.

⁴⁷ Журнал или поденная записка блаженныя и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великого. Ч. I. СПб.: Императорская АН, 1770. С. 196–197; Письма и бумаги... Т. 8. Вып. 2. С. 1004.

⁴⁸ Документы Северной войны. Полтавский период // Труды императорского русского военно-исторического общества. Т. 3. СПб., 1909. № 55. С. 54.

⁴⁹ Письма и бумаги... Т. 8. Вып. 2. С. 1027.

⁵⁰ Письма и бумаги... Т. 8. Вып. 2. С. 1030.

⁵¹ Письма и бумаги... Т. 8. Вып. 2. С. 1031.

⁵² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2866.

⁵³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2834, 2849, 2860 и др.

⁵⁴ Журнал или поденная записка... Ч. I. С. 196–197.

⁵⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2834. Л. 1

канцеляристе. Тогда же, по приказу Меншикова, «приведа ко кресту», Голицын отпустил из-под караула и писаря Семена Савича, содержавшегося в Киеве⁵⁶.

Скорее всего, не имея коня, Величко остался в Ромнах, а не поехал с войском Мазепы и Карла под Гадяч. Во время взятия Ромен русскими войсками он и был захвачен в плен, не имея возможности бежать (надо подчеркнуть, что отсутствие лошадей было страшной проблемой зимой 1708–1709 гг. для всех армий).

Интересна судьба второго адресата Г. Богули — Демьяна Якубовича. Исследователь родословных казацкой старшины В. Л. Модзалевский ошибочно писал, что тот стал сотником Жоравским в 1711 г., когда также получил от полковника Прилуцкого село Кушелевку⁵⁷. Якубович был сотником Журавским и в 1708 г. Несмотря на то, что он участвовал в переходе казаков к шведам вместе с племянником И. Мазепы И. Быстрицким⁵⁸ и вел переговоры с запорожцами о их присоединении к мятежному гетману (именно Якубовичу Богуля давал инструкции, как лучше писать письма к запорожцам от лица польского и шведского королей), он, видимо, вообще не пострадал и сохранил свою должность. Почему? Скорее всего, благодаря жене — Прасковье Марковне Маркич, родной сестре новой всеильной гетманши Анастасии Скоропадской (Маркович)⁵⁹.

Судьба мазепинцев, попавших на допросы в Лебедин, была значительно менее благополучна. Еще Н. Костомаров отмечал, что уцелела лишь небольшая часть следственных дел, проводившихся там. В частности — канцеляриста Дубяги и войта Шептаковской волости. Всех пытали, судьба первого неизвестна, второго казнили⁶⁰. Некого канцеляриста Григория сослали в Сибирь⁶¹. Другими словами, Величко должен был попасть под страшную карательную машину, в которой выживали лишь те, у кого имелись серьезные заступники.

Мы точно знаем, что, по крайней мере, в 1712 г. Величко был «в неволе». В условиях войн с Ф. Орликом на «мазепинцев» навалилась вторая волна репрессий, и хватали всех, включая жен, дряхлых матерей, сестер и пр. родственников. Документы о ссылке в Сибирь, равно как и списки находившихся в Москве украинских «колодников», сохранились неплохо. Величко среди них нет. Да и в его летописи нет никаких намеков о Сибири или Москве. Скорее всего, он оставался под арестом где-то на Украине — возможно, кто-то из бывших коллег и замолвил за него словечко, но недостаточно весомое, чтобы освободиться окончательно.

Дата освобождения — 1715 г., названная П. Г. Клепацким, выглядит довольно реалистично. Тогда Величко написал Летопись за пять лет, что хотя и сложно, но возможно. Именно этот год стал временем облегчения участи «мазепинцев». Д. Горленко было разрешено вернуться в Россию. А 1 июля 1715 г. бывший коллега Величко, канцелярист Иван Черныш, стал генеральным судьей и, возможно, завершил его мучения, помог освобождению⁶².

⁵⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2759. Л. 1.

⁵⁷ Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Т. V. Вып. 5. Киев; СПб., 2004. С. 87.

⁵⁸ Письма и бумаги... Т. 8. Вып. 2. С. 866.

⁵⁹ Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Т. III. Киев, 1912. С. 393.

⁶⁰ Костомаров Н. И. Мазепинцы // Руина. Мазепа. Мазепинцы. М., 1996. С. 742; Ефименко П. Могила гетманцев в г. Лебедине // Киевская Старина. 1884. Т. 8. № 4. С. 693–695.

⁶¹ РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 1. Д. 1709. № 52.

⁶² Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Т. V. Вып. 4. Киев; СПб., 2004. С. 12.

Хочется отметить, что у летописи нет посвящений (правда, до наших дней не дошел первый титульный лист). Тем не менее, если автор часто вспоминает добрым словом В. Л. Кочубея, то ни разу не упоминает его сына, которого историки считают избавителем Величко. Он действительно жил в имениях Кочубеев — Жуки (1720) и Диканька (1728), но это еще не доказывает, что именно их покровительству он был обязан спасению.

Другим недостоверным мифом в биографии Величко является утверждение, что он учил детей Кочубея. Дети у В. В. Кочубея родились после 1725 г. (за исключением Ивана, который был немного младше). Поэтому фразу Величко из его «Космографии» про отроков, «при мнѣ писанію навикавшим»⁶³, скорее всего, следует трактовать как учеников-писарей, которые помогали Величко в его работе.

Видимо, он так и не обзавелся семьей и всю свою жизнь посвятил работе, благодаря которой сделал свое имя бессмертным.

Данные о статье

Автор: Таирова, Татьяна Геннадьевна — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, t.tairova@spbu.ru

Заголовок: К биографии автора казацкой летописи Самойло Величко

Резюме: В данной статье исследуются мнимые и истинные знания о биографии автора знаменитой казацкой летописи Самойло Величко. На основе анализа историографии показывается история возникновения мифов, а также наиболее известные версии биографии Величко, в частности обстоятельство прекращения его службы в Генеральной канцелярии Войска Запорожского. Автор вводит в оборот новые архивные документы из РГАДА и архива СПбИИ РАН и представляет собственные интерпретации различных фактов. В результате мы получаем более точные данные об учебе, социальном происхождении, семейном положении, а также о «несчастье», происшедшем с Величко и положившем конец его карьере войскового канцеляриста. Вопреки устоявшемуся в историографии мнению, теперь можно считать доказанным, что Величко не потерял свое место после опалы В. Кочубея, но оставался на службе вплоть до своего пленения в декабре 1708 г. И более того, находился в войске гетмана И. Мазепы после перехода последнего к шведам. Детальный анализ военной компании ноября–декабря 1708 г. позволяет сделать предположение об обстоятельствах «несчастья», случившегося с С. Величко. Скорее всего, он попал в плен в Ромнах, при спешном отступлении оттуда войск И. Мазепы. Кроме того, выявленные документы свидетельствуют о наличии тесных связей Величко с Запорожьем и в частности с кошевым писарем Г. Бовгулей. Наоборот, мифом является утверждение, что С. Величко учил детей В. Кочубея.

Ключевые слова: Казацкие летописи, С. Величко, Украина, Украинское гетманство, история казачества

Литература, использованная в статье

Багалій, Дмитро Іванович. Нарис української історіографії: Джерелознавство. Вип. 2. Київ: Всеукраїнської Академії наук, 1925. 108 с.

Бовгуря, Андрій. Історіописання та суспільна свідомість Гетьманщині XVII–XVIII ст. // Дисциплінарні виміри української історіографії. Київ: Інститут історії України, 2015. С. 9–62.

Вечерський, Віктор. Гетьманські столиці України. Київ: Наш час, 2008. 318 с.

Дзира, Ярослав Іванович. Самійло Величко та його літопис // Історіографічні дослідження в Українській РСР. Вип. 4. Київ: Наукова думка, 1971. С. 198–223.

Дорошенко, Дмитро Іванович. Огляд української історіографії. Київ: Українознавство, 1996. 255 с.

Іконников, Владимир Степанович. Опыт русской историографии. Т. 1. Кн. 2. Київ: Типографія університета св. Володимира, 1908. 1054 с.

Клепацький, Павло Григорович. Літопис Самійла Величко. Полтава, 1926 (машиніпис). 76 с.

Кривошия, Володимир. Генеалогія українського козацтва. Нариси історії козацьких полків. Київ: Стило, 2002. 396 с.

⁶³ *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Т. IV. С. III–IV.

- Марченко, Михайло Иванович. Українська історіографія від давніх часів до середини XIX ст. // Ейдос. Вип. 3. Київ: Інститут історії України, 2009. 483 с.
- Мицик, Юрій. Запорозькі лицарі булави // Українська козацька держава. Київ: Емма, 2007. 1215 с.
- Петровський, Микола. Псевдо-діяріуш С. Зорки // Записки історико-філологічного відділу УАН. Кн. XVII. Київ: Всеукраїнської Академії наук, 1928. С. 161–204.
- Петрикевич, Віктор. Літопись Самійла Величка а «Woyna Domowa» Самійла Твардовского. Тернопіль: Друкарня Подільська, 1910. 48 с.
- Соболь, Валентина. Літопис Самійла Величка як явище українського літературного бароко. Донець: МП «Отечество». 1996. 334 с.
- Тарле, Евгений Викторович. Северная война. Москва: АСТ; АСТ Москва, 2009. 702 с.
- Шевчук, Валерій Олександрович. Самійло Величко та його літопис // Збірник козацьких літописів. Київ: Дніпро, 2006. С. 194–210.
- Шутой, Вениамин Ефимович. Классовая борьба в период народной войны на Украине в 1708–1709 гг. // Известия академии наук СССР. Серия истории и философии. 1949. Т. VI. № 4. С. 312–322.
- Plokhy, Serhii. The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 380 p.
- Sysyn, Frank E. The Cossack Chronicles and the Development of Modern Ukrainian Culture and National Identity // Harvard Ukrainian Studies. 1990. Vol. 3–4. P. 593–607.
- Sysyn, Frank E. The Nation of Cain: Poles in Samiilo Velychko's *Skazanye* // Synopsis. A collection of essays in honour of Zenon E. Kohut. Edmonton; Toronto: CIUS, 2005. P. 443–455.

Information about the article

Author: Tairova, Tatyana Gennadijevna — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, t.tairova@spbu.ru

Title: The Biography of Samoilo Velychko, the Author of the Famous Cossack's Chronicle

Summary: In this article our imaginary and true knowledge of the biography of the author of the well-known Cossack chronicle Samoilo Velichko are investigated. On the basis of the analysis of a historiography the history of emergence of myths, and also the most famous versions of the biography of Velichko is shown. For example, we study the circumstances of the termination of his service in General office of Zaporizhian Army. The author introduces new archival documents from the Russian governmental archive of ancient arts and from the archive of the Institute of History of Russian Academy of Art in St. Petersburg and represents own interpretations of various facts. As a result, we obtain more exact data on study, a social origin, marital status, and also the «misfortune» which has happened to Velichko and put an end to his career of the army bureaucrat. Contrary to the most popular opinion in the historiography it is now possible to take for granted that Velichko didn't lose his position after V. Kochubey's disgrace, but remained on service up to his capture in December, 1708. And moreover, he was in army of the hetman I. Mazepa after he joint Swedes. The detailed analysis of the military company of November–December, 1708 allow to make the assumption of circumstances of «misfortune» which happened to S. Velichko. Most likely, he was taken prisoner in Romnakh, during the urgent departure of I. Mazepa's troops from there. Besides, the revealed documents confirm availability of close ties of Velichko with Zaporizhian Host and in particular with the Host's clerk G. Bovguley. And it is only the myth that S. Velichko taught V. Kochubey's children.

Keywords: Cossack' chronicles, S. Velychko, Russian Governmental archive of Ancient Acts, Ukraine, Ukrainian Hetmanate, Cossack's history

References

- Bagaliy, Dmitro Ivanovich. *Naris ukrainskoy istoriografii: Dzhereloznavstvo* [Essay of Ukrainian historiography: the Study of Sources]. Issue 2. Kyiv: Ukrainian Academy of Science Press, 1925. 108 p. (in Ukrainian).
- Bovgiryа, Andriy. Istoriopisannya ta suspil'na svidomist' Get'manshchini XVII–XVIII st. [Historical works and public consciousness of Hetmanate in the 17th–18th centuries], in *Distsiplinarni vimiri ukrains'koy istoriografii*. Kyiv: Institute of History of Ukraine Press, 2015. P. 9–62 (in Ukrainian).
- Dzira, Yaroslav Ivanovich. Samiylo Velichko ta yogo litopis [Samiylo Velichko and his chronicle], in *Istoriografichni doslidzhennya v Ukrains'kiy RSR*. Issue 4. Kyiv: Naukova dumka Publ., 1971. P. 198–223 (in Ukrainian).
- Doroshenko, Dmitro Ivanovich. *Oglyad ukrains'koy istoriografii* [Review of Ukrainian historiography]. Kyiv: Ukrainoznavstvo Publ., 1996. 255 p. (in Ukrainian).

- Ikonnikov, Vladimir Stepanovich. *Opyt russkoy istoriografii* [Experience of Russian historiography]. Vol. 1. Book 2. Kyiv: University of St. Volodimir Print., 1908. 1054 p. (in Russian).
- Klepatskiy, Pavlo Grigorovich. *Litopis Samiylo Velichko* [Chronicle of Samiylo Velichko]. Poltava, 1926 (typewriting). 76 p. (in Ukrainian).
- Krivoshiya, Volodimir. *Genealogiya ukrains'kogo kozatstva. Narisi istorii kozats'kikh polkiv* [Genealogy of the Ukrainian Cossacks. Essays of history of Cossack regiments]. Kyiv: Stilos Publ., 2002. 396 p. (in Ukrainian).
- Marchenko, Mikhaylo Ivanovich. *Ukrains'ka istoriografiya vid davnikh chasiv do seredini XIX st.* [Ukrainian historiography from old times to the middle of the 19th century], in *Eidos*. Issue 3. Kyiv: Institute of History of Ukraine Press, 2009. 483 p. (in Ukrainian).
- Mitsik, Yuriy. *Zaporoz'ki litsari bulavi* [Zaporoz'ki knights of mace], in *Ukrains'ka kozats'ka derzhava*. Kyiv: Yemma Publ., 2007. 1215 p. (in Ukrainian).
- Petrovs'kiy, Mikola. *Psevdo-diyariush S. Zorki* [False diary of S. Zorka], in *Zapiski istoriko-filologichnogo viddil UAN*. Vol. XVII. Kyiv: Ukrainian Academy of Science Press, 1928. P. 161–204 (in Ukrainian).
- Petrikevich, Viktor. *Litopis' Samiylo Velichka a «Woyna Domowa» Samiylo Tvardovskogo* [Chronicle of Samiylo Velychka and «Woyna Domowa» of Samiylo Tvardovskiy]. Ternopil': Drukarnya Podil'ska Publ., 1910. 48 p. (in Ukrainian).
- Plokyh, Serhii. *The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 380 p.
- Shevchuk, Valeriy Oleksandrovich. *Samiylo Velichko ta yogo litopis* [Samiylo Velychko and his chronicle], in *Zbirnik kozatskikh litopisiv*. Kyiv: Dnipro Publ., 2006. P. 194–210 (in Ukrainian).
- Shutoy, Veniamin Efimovich. *Klassovaya bor'ba v period narodnoy voyny na Ukraine v 1708–1709 gg.* [Class struggle in the period of folk war on Ukraine in 1708–1709], in *Izvestiya akademii nauk SSSR. Seriya istorii i filosofii*. 1949. Vol. VI. № 4. C. 312–322 (in Russian).
- Sobol', Valentina. *Litopis Samiylo Velichka yak yavishche ukrainskogo literaturnogo baroko* [Chronicle of Samiylo Velychko as a phenomenon of the Ukrainian literary baroque]. Donetsk: Otechestvo Publ., 1996. 334 p. (in Ukrainian).
- Sysyn, Frank E. *The Cossack Chronicles and the Development of Modern Ukrainian Culture and National Identity*, in *Harvard Ukrainian Studies*. 1990. Vol. 3–4. P. 593–607.
- Sysyn, Frank E. *The Nation of Cain: Poles in Samiylo Velychko's Skazanye*, in *Synopsis. A collection of essays in honour of Zenon E. Kohut*. Edmonton; Toronto: CIUS Publ., 2005. P. 443–455.
- Tarle, Evgeniy Viktorovich. *Severnaya voyna* [Northern war]. Moscow: AST Publ.; AST Moskva Publ., 2009. 702 p. (in Russian).
- Vechers'kiy, Viktor. *Get'mans'ki stolitsi Ukraini* [The hetman's capitals of Ukraine]. Kyiv: Nash chas Publ., 2008. 318 p. (in Ukrainian).